

Цзян Ханьюй смотрела на её лицо, залитое слезами, но не спешила отпускать руку, лишь продолжая молча наблюдать.

А Шэнь Циньюэ, наблюдавшая за всем этим с противоположной стороны, мысленно запечатлела каждую деталь. Её пальцы в рукаве незаметно сжались, впиваясь в уголок талисмана, который ранее ей передала Цинь Сяояо.

Вот оно что...

Она никогда не играла на публике по той причине, что... существовала эта женщина.

Больная, почти маниакальная одержимость и жажда контроля Цзян Ханьюй простирались до того, что она не позволяла делиться даже простой мелодией.

Глядя на то, как Цинь Сяояо силой удерживают на месте, и на её жалкий вид — дрожащую от страха перед болью, — Шэнь Циньюэ почувствовала в груди странную, тягостную боль.

Ведь отношения Цзян Ханьюй с ней самой вроде бы были вполне хорошими, так почему же сейчас всё выглядело вовсе не так, как ей казалось?

Больше это походило на издевательство в односторонние ворота.

— Цзян Ханьюй.

Холодный и чистый голос Шэнь Циньюэ вновь нарушил тишину, а её взгляд устремился прямо на ту чёрную как ночь фигуру.

Цзян Ханьюй, казалось, заранее ожидала, что та заговорит, поэтому неспешно подняла глаза и посмотрела на Шэнь Циньюэ.

На её губах расцвела улыбка, полная вызывающего подтекста, и она ответила, чеканя каждое слово:

— Что-то не так, Шэнь-учительница?

В её тоне сквозила сплошная насмешка.

В то же время одной рукой она зажала заплаканное, похожее на умытое дождём лепесток сливы лицо Цинь Сяояо.

Эта рука слегка надавила, заставляя Цинь Сяояо поднять покрытое слезами лицо и

повернуться прямо к Шэнь Циньюэ.

— Ай! — взвизгнула от боли Цинь Сяояо, поневоле встречаясь взглядом с Шэнь Циньюэ.

За десять лет, полагаясь на знание оригинального сюжета и капельку сообразительности, она в Секте Юйцин хоть и не считалась сильнейшей, но жила как рыба в воде, почти не ведая истинных физических страданий.

Не говоря уже о том, чтобы предстать вот так, выставленной напоказ, словно какая-то вещь.

Боль в запястье и на щеке, смешанная с острой жалящей обидой и страхом перед нынешним состоянием Цзян Ханьюй, заставили её заплакать ещё сильнее — слёзы градом покатились вниз, словно оборвавшаяся нить.

Хотя отчасти это было сыграно, сейчас ей всё же было до жути стыдно.

— Нет... не надо!

Она с трудом попыталась отвернуться, избегая взгляда Шэнь Циньюэ.

Оказаться увиденной в столь жалком и растерзанном виде было для неё куда невыносимее самой боли; от стыда хотелось провалиться сквозь землю.

— Цзян Ханьюй, — Шэнь Циньюэ проигнорировала провокацию.

Её взгляд был холоден, как лед, а в голосе звучало нескрываемое презрение.

— Тебе не кажется, что твоё нынешнее поведение по меньшей мере постыдно?

Она замолчала на мгновение, скользнув взглядом по бледному лицу Цинь Сяояо и её распухшим запястьям.

— Святая Цинь в прошлом относилась к тебе более чем хорошо, и это видели все в секте.

— А теперь ты, стоило тебе лишь немного подняться, так унижаешь её. Какая же ты неблагодарная волчица!

— Неудивительно, что ты способна предать учителей и уничтожить секту!

Слова Шэнь Циньюэ вонзились в Цзян Ханьюй острыми ледяными иглами.

Её речь несомненно подливала масла в огонь, гнева демонессу, в чьих руках была их жизнь и смерть.

Цзян Ханьюй выслушала это, но выражение её лица ни капли не изменилось, лишь темнота на дне глаз стала чуточку гуще.

Впрочем, она не вышла из себя из-за слов Шэнь Циньюэ, а напротив, словно услышав нечто забавное, наклонилась к самому уху Цинь Сяояо и с лёгким смешком принялась ябедничать:

— Ой-ой, Сяояо, слышала? Она за тебя заступается~

Её дыхание опалило чувствительную мочку уха Цинь Сяояо, вызвав у той мелкую дрожь.

— Тебе кажется, что она такая праведная?

— А я в глазах вас обеих — та самая отъявленная злодейка?

Цинь Сяояо же не смела произнести ни слова, и ей вовсе не было радостно от того, что Шэнь Циньюэ вступилась за неё.

Эти слова Шэнь Циньюэ — с виду помощь, а на деле лишь подливали масла в огонь.

Она слишком хорошо знала Цзян Ханьюй.

При нынешнем характере Цзян Ханьюй больше всего на свете ненавидела подобные праведные обвинения и сравнения.

Если Цзян Ханьюй рассвирепеет и сорвёт злость на Шэнь Циньюэ...

Учитывая её нынешнюю культивацию как минимум на поздней ступени Зарождающейся Души, Шэнь Циньюэ, будущая главная героиня светлых сил, вполне могла погибнуть здесь раньше времени!

Хотя всё, что требовалось — это просто потерпеть... Цзян Ханьюй, судя по всему, пока не собиралась её убивать.

Но стоит светлой героине пасть раньше срока, и надежда на победу над главным демоном в оригинальной истории будет полностью уничтожена, обрекая этот мир на неминуемую гибель.

А сама она, странница, привязанная к этому миру, гарантированно не выживет!

Нет, нельзя допустить, чтобы Шэнь Цинъюэ пострадала прямо сейчас!

В этот момент Цзян Ханьюй заставила Цинь Сяояо посмотреть ей прямо в глаза и игриво спросила:

— Ну а ты, Сяояо, что думаешь?

— Ты тоже считаешь меня постыдной?

Цинь Сяояо сквозь пелену слёз смотрела на лицо Цзян Ханьюй, оказавшееся так близко.

Это лицо, некогда казавшееся ей прекрасным, лицо, которое она так хотела защитить, теперь внушало ей такой ужас.

— Нет, — услышала она собственный голос, звучавший в нос из-за сильного плача.

Пальцы Цзян Ханьюй, сжимавшие её щеку, едва заметно дрогнули и замерли.

Напротив Шэнь Цинъюэ тоже явно застыла, а в её холодных глазах промелькнуло мгновенное удивление и непонимание.

Цинь Сяояо выдержала пытливый взгляд Цзян Ханьюй, в то время как слёзы продолжали неконтролируемо течь по щекам.

Однако она старалась изо всех сил говорить ровно, придав голосу даже нотку нарочитой угодливости.

— Это я... я нарушила договор с тобой и самовольно сыграла мелодию для постороннего...

Она почувствовала, что хватка на её лице самую малость ослабла.

Её взгляд упал на собственное запястье, которое всё ещё держала Цзян Ханьюй, и, решившись на отчаянный шаг, она зажмурилась и выпалила:

— С этой рукой... с этой рукой можешь делать всё, что пожелаешь!

— Если хочешь — покалечь, Сяоюй, или забери её совсем...

В этот момент сердце Цинь Сяояо обливало кровью.

Пожертвовать рукой для мастера цитры, для человека, чей Путь лежит через звуки и мелодии, означало практически полную инвалидность!

Но сейчас она думала лишь о том, чтобы этой ценой заставить Цзян Ханьюй временно пощадить Шэнь Цинъюэ, выторговать шанс на выживание и предотвратить окончательный крах мировой линии!

Покуда жива главная героиня, остаётся надежда переломить ситуацию.

Разве в первоисточнике не было чудесных сокровищ, способных отрастить оторванные конечности? Позже можно будет отыскать их.

Цзян Ханьюй явно опешила, словно не ожидая от Цинь Сяояо такой реакции.

Она оказалась настолько покорной и даже послушно признала свою вину?

Глядя на этот отрешённый взгляд человека, готового к смерти, но при этом до жути боящегося боли, Цзян Ханьюй на мгновение умолкла.

Затем она внезапно разжала пальцы, сжимавшие лицо и запястье Цинь Сяояо.

Цинь Сяояо, не ожидавшая этого, лишилась опоры и бессильно осела на холодное каменное ложе.

Она обхватила руками распухшее запястье и горящие щеки, тяжело и испуганно прерывисто дыша.

С лёгкой боязнью поглядывая на Цзян Ханьюй, она никак не могла взять в толк, почему та вдруг отпустила её.

Цзян Ханьюй протянула руку и потрепала Цинь Сяояо по растрёпанной макушке, а на её лице вновь появилась прежняя непринужденная и беззаботная улыбка с лёгким оттенком насмешки.

— Я же просто шучу, Сяояо~ Как я могла бы по-настоящему навредить тебе?

— Ведь в конце концов... — она протянула гласные,

а её взгляд многозначительно скользнул по слегка подрагивающим рукам Цинь Сяояо, —

если лишиться одной руки, Сяояо... ты ведь больше никогда не сможешь играть столь

прекрасную музыку, верно?

Голос Цзян Ханьюй звучал так, будто она дорожила этим превыше всего.

— Если я больше никогда её не услышу, то сочту это... невероятно, до ужаса... большой потерей.

<http://bllate.org/book/19487/1910269>